

ОЛЬГА БЛАГОНАДЕЖДИНА

ДЕТСТВО В МАЛИ

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

У отца в юности долго не было постоянной девушки, и бабуля Елена Сергеевна начала волноваться за единственного Боречку... Она спрашивала по секрету у друзей сына, и вот в канун Нового года один из них шепотом поведал бабуле, что должна прийти Борина знакомая.

Елена Сергеевна еле пережила ночь и ни свет ни заря потащила деда домой, боясь опоздать и не познакомиться.

Отдышавшись, бабуля шагнула в гостиную и обомлела... Конечно, её Борис самый лучший и умный, но ведь не красавец (у бабули мало кто мог быть красавцем, разве что дед). Перед ней сидела очаровательная юная кудрявая шатенка с огромными темно-серыми глазами... Точёная фигурка вызвала бабулино восхищение, и она, приветливо улыбаясь, начала знакомство.

Коралловые бусы испуганно запрыгали, отскакивая от пола, разлетаясь по всем углам комнаты. Бабуля кинулась помогать собирать прелестные камешки новой знакомой и услышала ехидный шепот деда: «Что, невестку почувствовала?»...

Папа окончил ВГУ, геологический факультет, и по распределению уехал работать в Якутию, в посёлок Колтыкон. К самому дому подходила тайга, места заповедные. Через год к нему, окончив географический факультет, уехала жена Лера.

Бабуля, затосковав по детям, уговорила лёгкого на подъём деда, занимавшего в то время большую должность, все бросить и уехать к ребятам. Они сдали квартирантам дом, уволились со своих уважаемых должностей и укатили в Якутию.

Из Колтыкона отца перевели в город Алдан. В Якутии (да, собственно, и всю свою жизнь, везде) он занимался поисками и разведкой золота.

Молодой специалист достаточно скоро проявил себя и получил направление на работу в Центральную Африку, в Республику Мали. Только до Африки у Бориса и Леры родилась я, Оленька. Отец всегда говорил, что закваска у меня алданская.

Шесть лет, с маленьким перерывом, папа работал в Мали и стал первооткрывателем крупного золоторудного месторождения Калана в Сахаре. Почти три года провела я там с родителями. Удиви-

Борис Благондеждин, мой отец.
Якутия. 1962 год

тельная жизнь в этой стране до сих пор волнует мое воображение, а воспоминания свежи, хотя с тех пор прошло много лет.

Геологи появлялись в семьях раз в месяц, на сутки. Работа шла при пятидесятиградусной жаре. В сезон ливневых дождей начинались камеральные работы: обработка собранных данных и материалов. При 18–20 градусах тепла мы все замерзали.

Мама с папой всегда были веселыми безобразниками и задирками. Мама пела в джазовом университетском коллективе, отец был заядлым спортсменом. Друг за друга они всегда стояли горой. В Алдане их однажды забрали в милицию за рок-н-ролл в ресторане. В Африке они тоже были замечены в кромеле.

Нашим специалистам запрещали общаться с «капиталистами». В Мали жили французы (бывшая французская колония как-никак). Родители, хорошо владевшие французским языком, со многими из них быстро подружились. Конечно, всё держалось в секрете.

Однажды их пригласили в гости с ночевкой в Бамако, столицу Мали, которая находилась в 80 километрах от нашего городка Кати. Меня оставили под присмотром знакомых, живших недалеко от нас.

Жена одного из геологов решила рассказать мне на ночь сказку. Растормошив меня, уже засыпав-

шую, женщина ласковым шепотом спросила: «Мамуля с папулей у французов?» «Угу...», – ответила я. Спустя некоторое время началось разбирательство, которое закончилось «высылкой» в Союз.

На собрании, где папу с мамой клеймили за общение с представителями капиталистических государств, мама Лера, в девичестве Сафонова, тихо, но внушительно промолвила: «Придется позвонить дяде...» И как-то все быстро успокоились. Дело в том, что в ЦК КПСС работал однофамилец мамы, некто Сафонов. Меня не ругали, а про «дядю» я узнала, уже став взрослой.

А тогда было очень любопытно, отчего родители, пошептавшись, смеются, с удовольствием на меня поглядывают и называют ябедой...

МИЛАЯ МОЯ ЛЕРА

Первый раз я увидела саванну, когда с мамой прилетела к отцу в Мали.

Из аэропорта Бамако мы ехали в открытой машине. Горячий ветер, оранжевая выжженная трава, бледно-голубое небо и слоны, которые, покачивая хоботами, шли вдалеке...

После зимних московских пейзажей это казалось нереальным видением из сказок.

Отец работал в геологической партии и жил здесь уже 4 года.

На окраине города Кати – поселок одноэтажных коттеджей. Каждый – на две семьи. Веранды с двух сторон и палисадники, заросшие яркой акацией и кактусами.

В Русском клубе два раза в неделю крутили последние фильмы из Союза, а неподалеку был французский кинотеатр со своим ежедневным репертуаром...

Детская компания посёлка говорила на непонятном взрослым сленге, смешанном из слов русских, французских, немецких, чешских и местного языка бамбара...

Как ни прислушивались заботливые неработающие мамы, предстоящие проделки детворы всегда оставались для них тайной, а потом шокировали и возмущали, заставляя жить в ожидании следующих...

Моя мама Лера отличалась способностью к языкам. Она проложила первую тропинку взаимопонимания между взрослым миром и детским оазисом. Однажды она, маленькая хрупкая женщина, больше похожая на девочку, появилась среди нас и превратила только что начавшееся очередное безобразие в театральное шоу, на которое сбежался посмотреть весь геологический поселок.

Два года мне периодически приходилось ревновать её ко всем остальным детям, которые с утра до вечера боролись за её внимание и одобрение детских фантазий.

Как она успевала? Ведь и мы с отцом не были обделены её вниманием и заботой...

Даже привезенная и подаренная мне папой мартышка Тика всегда сидела у мамы на плече и показывала всем своим видом, что не позволит никому покушаться на свои привилегии. Оставить Тику без присмотра было равноценно гражданской войне. Съедалась мамина помада и середина сложенной пополам папиной зарплаты. Компот вынимался из холодильника, и все фрукты доставались бесстыжей обезьянке.

Милая моя Лера, твой удивительный талант общения передался внучке Кате, похожей на тебя и внешне, и внутренне. Я счастлива оттого, что Катюшка – земное продолжение Леры и мой надежный тыл.

ДУХ СВОБОДЫ

Жизнь в городе Кати была удивительной. К порогу коттеджа, в котором жила наша семья, ежедневно приходили по пояс обнаженные торговки овощами и фруктами с целым выводком детишек мал мала меньше и огромным количеством тазов на голове, похожих на пирамиду.

Вначале – большущий, с овощами. Последний – маленький, с клубникой. Круглый год – клубника.

Но самым желанным лакомством для русских детей поселка был черный хлеб с селедкой.

Все вновь прибывающие специалисты, предупрежденные заранее, привозили из Союза чемодан черного хлеба и несколько банок селедки.

За несколько часов до приезда в поселок новичка дети старались далеко не уходить от его будущего жилья. Все игры детворы и времяпровождение проходили в наибольшей близости от этого места в ожидании раздачи лакомства.

Змеи (питоны и кобры) периодически заползали в дома, и тогда вызывался специально обученный мальчик с длинным шестом. Он устраивал танец вокруг змеи и в конце концов убивал её. Денег не брал, просил разрешения забрать саму змею.

Спустя год нашего пребывания в Кати все семьи с девочками уехали в Союз, и осталась только я и куча мальчишек.

Сначала были слёзы, зато потом – дух свободы и масса хулиганских, запомнившихся на всю жизнь проделок...

Три года после Африки потратила бабуля, чтобы я перестала быть сорванцом и моё поведение в школе стало удовлетворительным.

Папа, мама, я и соседский мальчик Алеша на фоне города Кати. 1968 год

Моя мама, Калерия Николаевна

РУССКИЙ КЛУБ

Вспоминаю Русский клуб в городе Кати.

Все самые лучшие советские фильмы шестидесятых годов мы увидели именно в этом клубе.

Была я жуткой непоседой, и мама практически привязывала меня во время сеанса, чтобы я никуда не убежала и ничего не натворила...

С левой стороны Лера усаживала меня, на правом её плече замирала мартышка Тика, замороженно уставившись в мелькающие картинки на экране.

Русский клуб стоял на самом солнцепеке. Во время нашей зимы в Мали температура поднималась до 50 градусов. Редкие акации у задней стены здания и огромные кактусы. Вокруг – галька, насыпанная щедро на землю рыжего цвета.

Когда мама ослабляла бдительность, я использовала эту возможность, и вокруг клуба начинались бешеные гонки с мальчишками. Заканчивалось всё разбитыми коленками...

Приходилось маме Лере хватать в охапку меня, орущую хулиганку, и бежать домой заливать зеленой «боевые» раны дочери. Безжалостная мартышка, свешиваясь с мамино плеча, добавляла тумачков провинившейся, повизгивая от удовольствия.

Мама называла меня железной mademoiselle...

В ПОГОНЮ ЗА СТРАУСАМИ

Работа у наших специалистов начиналась с утра. В самое жаркое время, в полдень, геологический поселок на окраине Кати засыпал до 16.00, а в 17.00 геологи возвращались на работу.

Но мне жара была нипочем. Чего только ни придумывала мама Лера, чтобы удержать меня дома. В конце концов она спрятала все мои вещи, вплоть до носочков, трусиков и сандалий...

Отец спал, засыпала и утомленная жарой мама. Каково же было удивление родителей, когда, проснувшись, они увидели пустую детскую кровать.

Я до сих пор помню, как с восторгом надевала мамино мини-платье, которое почти доставало до пола, как у принцессы. Поиски обуви долгими не оказались. Мама была хрупкой женщиной, и её босоножки из змеиной кожи на малюсенькой шпильке поражали мое воображение. Шпильки были парадно-выходными. Раз в неделю русских жен возили в столицу Мали Бамако (теперь эти поездки называли бы shopping). Чудесные змеиные башмачки и были предназначены для хождения по тротуарам столицы.

Обнаружена я была достаточно близко от коттеджа за довольно странным и опасным занятием: преследовала страусов, выпущенных на прогулку соседом полковником, в дальнейшем совершившим государственный переворот в Республике Мали. Преследование носило небезобидный характер. В руках юной хулиганки развевался целый веер перьев, огромных и нежных, выданных безжалостно из хвостового оперения орущих от ужаса и совершенно незащитных страусов. Восторг свой помню совершенно отчетливо! Была бита отцовским ремнем. Было не очень больно, но обидно.

Позже, после переворота, за нашим домом после наступления комендантского часа следили более пристально, чем за домами остальных специалистов...

«ТВОЙ ТАНЗАНИЙСКИЙ ЛЕВ ОЖИДАЕТ ТЕБЯ»

Из африканских поездок отец всегда привозил статуэтки, сделанные из красного или черного дерева, маски, шкуры львов и питонов.

Первые три дня после приезда он посвящал маме, и влезть в их общение было невозможно. Спустя некоторое время вся семья собиралась в большой комнате у кинопроектора и начинался бесподобный вечер с красочными слайдами и бесконечными захватывающими рассказами о папиной работе, жизни, общении с местным населением.

Торжественная раздача подарков завершала вечер. Бабуля получала отрез купонного полотна на очередное платье, дед – портфель или портмоне из змеиной кожи, а я – изящную сумочку африканской ручной работы. Мамины подарки предьявлялись семье в завершающей фазе.

Немного отдыха, и папа снова уходил с головой в работу, изредка отвлекаясь на друзей, приходящих к заветному кинопроектору, чтобы посмотреть и обсудить папины изыскания и новые проекты.

Когда мы уезжали из Мали, маму было очень жаль, так не хотелось ей расставаться с домашней утварью, накопленной за несколько лет жизни. К отъезду были приготовлены всего два огромных чемодана, основным содержимым которых были книги, образцы минералов, сувениры и немножко нашей одежды.

Из Гвинеи отец привез удивительно красивую фигурку льва, очень тонко вырезанную из красного дерева. Прожила она у нас недолго, потому что папа подарил её очень близкому другу, дяде Диме, с которым познакомился ещё в Мали. По гороскопу друг отца был Львом.

Льва было жалко. Я до сих пор помню ощущения пальцев, глядящих ту самую фигурку.

Однажды пришло сообщение: «Оленька, твой танзанийский лев ожидает тебя...»

Очень похожий на моего папу человек вернулся из Танзании и привез...

Закрываю глаза и чувствую теплые, округлые формы статуэтки. Приходят воспоминания, ощущения, терпкие запахи саванны. Голос отца, вернувшегося из поля: «Лера, буди Мартышку! Пора ей познакомиться с настоящей мартышкой...»

Безобразница Тика плюхается в мою постель, пробуждение неотвратимо под натиском хвостатого и нетерпеливого существа...

КАПЛИ ДОЖДЯ

Очень хорошо помню, как взлетает на горбатый каменный мостик на нашей любимой улице Карла Маркса папина новая «Волга» с оленем на капоте... Невесомость и приземление вызывали неопишуемые ощущения и детский восторг.

Отец был очень щедрым человеком, дружбу ценил превыше всего.

Когда мы вернулись из Африки, «зависли» у друзей и родственников в Москве; всем хотелось пообщаться с молодым первооткрывателем золотого африканского месторождения, балагуром и песенником, прекрасно играющим на пианино и рассказывающем массу анекдотов на заказ.

Дед с бабулей вытерпели неделю и наконец разгневанный Илья Георгиевич нагрязнул в Москву за внучкой. Со словами «вы тут как хотите, а ребенка отдайте!!!» он сгреб меня в охапку и, пока родители не опомнились, увез в ожидавшем такси на вокзал.

Лето случилось дождливое, и сад перед частным домом буйствовал зеленью, цветами, малиной, ранней вишней.

Дед вывез меня из Москвы, в чем нашел, и пришлось бабуле задуматься о моем гардеробе. Чудное воспоминание: холодные капли дождя на щеках и губах, спадающие огромные резиновые сапоги и полный рот ароматной малины...